

С тех пор как Ли Синлунь перестал обращать на него внимание, Чанькунь Чжуоюй вроде бы стал проявлять больше интереса к вопросу о побеге из долины, и с тех пор начал прилагать все усилия, чтобы покинуть это место ... или, по крайней мере, так казалось.

На деле же всё его рвение сводилось лишь к бесконечным размышлениям, а дни он проводил, сидя неподвижно на камне, скрестив ноги, с закрытыми глазами, будто погружённый в глубокое созерцание, словно только от момента, когда он откроет веки, и зависела возможность вырваться за пределы Долины Разбитых Душ. Его вид был столь невозмутимым, столь самоуверенно-загадочным, что у Ли Синлуна невольно болели глаза от одного взгляда на него, и вскоре он просто перестал замечать этого странного человека, решив, что лучше уж полагаться на собственные силы, чем надеяться на чужие обещания, не подкреплённые ни делом, ни смыслом.

В то время как Чанькунь Чжуоюй медитировал, Ли Синлунь не прекращал своих попыток найти выход: он испробовал уже немыслимое количество способов, каждый из которых, однако, приводил к одному и тому же безнадёжному результату. Он пытался карабкаться по скале, но её поверхность была гладкой, как зеркало, и слишком высокой для того, чтобы обычный человек, лишённый ци, мог преодолеть её даже с помощью самых отчаянных усилий; он пробовал рыть тоннель у подножия горы, надеясь, что если путь в небеса закрыт, то, быть может, можно проникнуть сквозь землю, но и это оказалось тщетным, поскольку божественная сила, окружавшая долину, распространялась не только на воздух и пространство, но и на саму землю, отражая любой предмет, который воспринимался как инструмент нападения. Кинжал, которым он пытался долбить стену, каждый раз отскакивал, будто ударялся о невидимый щит, хотя рука, прикасавшаяся к скале, оставалась нетронутой, словно эта древняя защита обладала разумом, различая между простым прикосновением и попыткой проникновения.

Поразмыслив, Ли Синлунь бросил камень вверх, и тот, достигнув определённой высоты, примерно уровня вырезанных на скале иероглифов, внезапно терял импульс и падал обратно, как будто натёкался на потолок мира, сделанный из хрусталя. В этот момент он понял истинную природу ловушки: дело было не в том, что никто не мог взобраться на вершину, а в том, что невидимый барьер, созданный ещё в эпоху Божественной войны, охватывал всю долину, позволяя входить внутрь, но не давая возможности выбраться, словно огромная чаша, перевёрнутая небесами над этой пропастью, где души заточённых продолжали блуждать до самого конца их дней.

Осознав это, Ли Синлунь почувствовал, как сердце его сжимается от отчаяния: как он, молодой культиватор, едва завершивший формирование основы, может надеяться разрушить барьер, сотворённый силами, что возводили и рушили миры?

Небо было жестоко, а судьба семьи Ли предрешена задолго до того, как они узнали, кого оскорбили; ведь не могли же они, скромное клановое семейство, чьи предки никогда не выходили на великую сцену культивации, внезапно стать целью такой мощи, что их уничтожили с такой методичной жестокостью. И теперь, сидя в этой долине, он чувствовал, как внутри него растёт тьма - не просто гнев, но нечто большее, почти демоническое, и если бы не запрет на использование ци, он давно бы скользнул на путь Инфернального Сердца, пожирающий себя ненавистью.

Он направился собирать дикie плоды, но не потому что нуждался в пище, ведь давно достиг стадии би-гу, когда тело питается энергией неба и земли, а потому что ему нужно было занять руки, занять разум, иначе он боялся, что сойдёт с ума от собственных мыслей.

Эти фрукты, выросшие под влиянием божественной силы, были необычайно сочными, наполненными жизненной энергией, вкус их напоминал сладость первых лучей весны, и, съев несколько штук, Ли Синлунь машинально взглянул на Чанькуня Чжуоюя, всё ещё сидевшего в своей мнимой медитации, и вдруг почувствовал нечто вроде жалости не к его положению, а к его состоянию: каково это быть таким глупым, таким уверенным в себе, не имея ни воспоминаний, ни знаний? И тогда, словно совершая добродетельный поступок ради очищения кармы, он, завернул фрукты в широкие листья и положил перед тем, кто считал себя мастером, как будто помогал слабому, поддерживал немощного, делал добро там, где, казалось, уже не осталось места для света.

Чанькунь Чжуоюй почувствовал движение рядом и открыл глаза. Его длинные ресницы дрогнули, как крылья мотылька, и в этом жесте было столько неосознанной красоты, что даже Ли Синлунь на мгновение замешкался.

— Что это? — Спросил он с совершенно серьёзным лицом, бросив взгляд на лист с фруктами.

— Еда, — ответил Ли Синлунь, откусывая большой кусок. — Может, научить тебя, как есть?

Чанькунь Чжуоюй некоторое время смотрел на него, словно пытаясь расшифровать скрытый смысл этих слов, затем взял один из плодов и, не раздумывая, укусил его вместе с кожурой, после чего его прекрасное лицо исказилось от горечи и недоумения.

— Это ученик намеренно издевается над учителем? — произнёс он с горькой миной, но с достоинством. — Ты действительно шалунишка.

Ли Синлунь лишь вздохнул — уже не пытаясь сердиться, а скорее чувствуя усталость от этой бесконечной комедии, — подошёл, взял другой фрукт, быстро снял кожуру и протянул ему:

— Во-первых, ты держишь в руках совсем не то, что я. У тебя - плод, требующий очистки. Во-вторых, я пока не твой ученик, так что не стоит забегать вперёд. А в-третьих... да, именно так правильно есть. Твоя потеря памяти, похоже, затронула абсолютно всё.

Чанькунь Чжуоюй, наконец получив очищенный фрукт, съел его с явным удовольствием, и его лицо снова расправилось, как цветок под солнцем.

— Как замечательно иметь ученика, — сказал он с довольной улыбкой. — Я очень доволен, что стал учителем.

На лбу Ли Синлуна вновь проступила выпуклая вена, но он не стал спорить, а просто

отвернулся, стараясь не показывать, как сильно его раздражает эта постоянная самоуверенность.

— Разве я не говорил, что не стану твоим учеником?

— Это случится рано или поздно, — невозмутимо ответил Чанькунь Чжуоюй, будто предрекая судьбу. — Не может быть, чтобы такой великий мастер, как я, оказался навечно заперт в такой захудалой долине. Мир культивации не сможет обойтись без меня.

Ли Синлунь уже не стал исправлять его, не стал объяснять, он лишь с сожалением вспомнил свои прежние слова о том, что поклонится ему, если они выберутся, и теперь чувствовал, будто сам навязал себе нового учителя, причём совершенно бесплатно.

— Самое страшное здесь - не высокие горы и не отсутствие пути, — наконец сказал он, глядя в небо, будто обращаясь к самой судьбе, — а барьер божественной силы, что держит нас внутри. Мы как насекомые в янтаре, живые, но навеки заточённые. Если только мы не обладаем силой, равной той, что создала этот барьер, никакого шанса выбраться нет. А те, кто его воздвиг, были богами, чьи битвы сотрясали небеса. Как же мы, слабые смертные, культивирующие под властью небес, можем надеяться противостоять этому?

Он не хотел говорить об этом, не хотел разрушать последнюю иллюзию, которую, возможно, лелеял Чанькунь Чжуоюй, но не мог больше молчать, видя, как тот живёт в мире собственных фантазий, не понимая всей безысходности их положения.

— Да, правда? — впервые за всё время голос Чанькуня Чжуоюя дрогнул, и он посмотрел вверх, в пустое небо, с выражением, которое можно было бы назвать потерянным, если бы в его глазах не оставалась искорка недоверия к самой мысли о поражении.

Ли Синлунь, увидев эту редкую тень сомнения, невольно шагнул к нему, положил руку на плечо и сказал мягко, почти шёпотом:

— Встреча с тобой перед смертью - уже благословение. Кто знает, сколько ещё нам суждено жить под этим заклятием? Лучше провести остаток дней вместе, чем идти по дороге Хуаньцюаня одному, в полной пустоте. Хотя бы будет кто-то, кто услышит твой последний вздох.

Он успокаивал Чанькуня Чжуоюя, но на самом деле говорил это себе, ведь и ему было страшно перед лицом вечной тьмы. К счастью, этот человек, пусть и странный, не был назойливым, и общаться с ним было легче, чем с кем-либо другим в этом мире.

Но, к его удивлению, Чанькунь Чжуоюй, вместо того чтобы принять утешение, повернулся к нему и сказал с прежней уверенностью:

— Нет, я не могу просто умереть здесь, внизу. Меня ждут. Многие люди ждут, чтобы я вернулся. Мир культивации не сможет существовать без меня. Я слишком важен. Я обязательно найду способ вернуться в сферу понимания!

Ли Синлунь посмотрел на него, будто видел впервые.

— Ты... восстановил память?

— Конечно нет, — честно признал Чанькунь Чжуоюй. — Чтобы пройти через божественные испытания, нужно время. Как можно сразу всё вспомнить?

— Тогда... откуда ты знаешь, что тебя ждут?

Чанькунь Чжуоюй кивнул, будто вопрос был глупым, и ответил с торжественной серьёзностью:

— Это особое чувство. Должно быть, даже после того, как прошлое было отсечено, во мне осталась искра памяти. Я просто знаю.

И снова его лицо озарилось уверенностью, как будто он только что победил в великой битве.

Ли Синлунь лишь глухо произнёс:

— Понятно.

Его голос был пустым, мысли - оцепеневшими. Он сел на землю, закрыл глаза, пытаясь успокоить разум, потому что каждая встреча с этой абсолютной, ничем необоснованной уверенностью Чанькуня Чжуоюя выматывала его сильнее, чем месяцы одиночества.

А тем временем Чанькунь Чжуоюй, которого, казалось, не смогла остановить даже весть о бессилии перед барьером, встал, огляделся и, решив, что пора действовать, отправился бродить по долине в поисках выхода. Он не имел оружия, не пытался долбить скалы, но внимательно осматривал каждый уголок, каждую трещину, каждый след на камне. Глядя на высокую, неприступную стену, он впервые с сомнением покачал головой: да, даже если он и вправду так силён, как кажется, одной лишь физической мощи будет недостаточно, чтобы преодолеть это небесное заточение.

Он поднял глаза к небу и увидел, как вдалеке пролетает одинокая стая диких гусей. Птицы тихо опустились на дно долины, чтобы передохнуть среди камней и редких кустарников, попить из мелкого ручья, напоённого божественной силой, а затем снова взмыли ввысь, исчезнув за горизонтом, как призраки, прошедшие сквозь запреты мира.

Чанькунь Чжуоюй замер.

— ...Э?

На лице его проступило выражение, редко появлявшееся раньше - не самоуверенная улыбка, не безмятежное равнодушие, а настоящее удивление, почти детское, как у человека, впервые увидевшего луну днём. Он развернулся и быстро пошёл назад, где сидел Ли Синлунь, погружённый в свои мысли, и не сильно, но достаточно, чтобы вырвать из раздумий, хлопнул его по щеке.

— Ученик, проснись! — воскликнул он с торжествующим видом. — Я нашёл для тебя путь наружу!

Ли Синлунь не спал, он просто молчал, перебирая в уме образы прошлого, ощущая тяжесть безысходности, что давила на плечи, как гора. Удар по лицу вызвал раздражение, а кличка «ученик» добавила гнева, но когда до его слуха дошли последние слова, он резко открыл глаза, словно услышав голос из мира мёртвых:

— Что случилось?

Чанькунь Чжуоюй указал на небо, где ещё можно было различить едва заметные силуэты улетающих птиц.

— Только что я видел, как несколько гусей спустились с огромной высоты, отдохнули здесь и снова улетели. По всем законам Долины Разбитых Душ вход разрешён, выход запрещён. Если они упали сюда, то не должны были иметь возможности подняться выше... но они улетели. Просто улетели. Без усилий, без колебаний прошли сквозь самую плоть барьера, который не пропускает ни ци, ни тело, ни дух.

Ли Синлунь мгновенно вскочил, задрал голову к небесам, вглядываясь в каждое движение, в каждый порыв ветра. Птиц в долине было много, они гнездились в расщелинах скал, охотились над водой, кружили в воздухе с такой свободой, какой он уже давно лишился. И вот, через некоторое время, он увидел большую, сильную птицу, взлетевшую высоко над вершинами, а затем вернувшуюся с рыбой в клюве, будто ничто в этом мире не могло её остановить.

— ...Почему они могут покидать барьер? — пробормотал он себе под нос, чувствуя, как в груди шевелится давно забытая надежда.

Чанькунь Чжуоюй, конечно, не знал теории, не понимал механизмов божественных печатей, не мог объяснить, почему мир делает исключения для одних и заточает других. Но он не стал мешать, не стал говорить глупостей, а впервые за долгое время он просто сел рядом, спокойный, почти послушный, и стал медленно жевать дикий плод, издавая при каждом укусе чёткий, хрустящий щёлк.

Именно этот звук и привлёк внимание Ли Синлуна. Он обернулся и уставился на фрукт в руке Чанькуня Чжуоюя. В следующее мгновение он резко выхватил плод и с силой швырнул его

вверх, словно испытывая судьбу.

Чанькунь Чжуоюй: ...

Фрукт взлетел намного выше, чем когда-либо поднимался брошенный камень, намного выше, чем позволяла невидимая граница. Он пронёсся сквозь пространство, достиг своей высшей точки и только тогда начал падать, вонзившись в землю с тихим ударом.

Чанькунь Чжуоюй: ...

— Так вот оно что... — прошептал Ли Синлунь, и в его голосе зазвучала странная смесь ужаса и откровения. — Все существа здесь родились и выросли под влиянием божественной силы. Для этого барьера они часть единого целого, сообщество, встроенное в саму ткань долины. Поэтому им позволено проходить сквозь него. А мы... мы чужие. Наша энергия, наши меридианы, наше происхождение - всё это говорит барьеру: «Вы не свои». Если бы раньше кто-нибудь догадался... если бы хоть один из тех, кто погиб здесь, обратил внимание на птиц... но нет. Все искали путь силой, ци, заклинаниями ... и никто не смотрел на небо. Возможно, это и есть ключ... но даже если так, шансов мало. Очень мало.

— Ученик, — вдруг произнёс Чанькунь Чжуоюй, нарушив тишину.

— Да? — машинально отозвался Ли Синлунь, уже не пытаясь спорить с этим титулом. За время их совместного заточения он привык к этому, как привыкают к боли.

— Сходи собери ещё диких фруктов, — сказал Чанькунь Чжуоюй с абсолютно серьёзным лицом. — Вкус хороший. Хотя твой учитель достиг стадии би-гу и больше не нуждается в пище, он забыл вкус пяти злаков мира. Чтобы восстановить память, нужно пробовать. Это важно для духовного развития.

Ли Синлунь: ...

Он лишь молча кивнул, подавив желание швырнуть в него вторым фруктом.

— Хорошо, принесу. Может, и сравню, чем животные долины отличаются от нас, — ответил он сухо, но всё же отправился выполнять «поручение», понимая, что в этом абсурде может крыться зерно истины.

Он вернулся не только с полными руками сочных плодов, но и с несколькими маленькими созданиями - пушистыми зверьками, похожими на ежей, и одним молодым птенцом, упавшим из гнезда. Он хотел изучить их, понять, есть ли в их теле, в их энергетической структуре что-то особенное, что позволяет им проходить сквозь барьер.

А тем временем Чанькунь Чжуоюй, утолив голод, принялся за другое дело. Он стал

выдергивать мягкую, зелёную, с длинными гибкими стеблями траву и ловкими движениями пальцев сплел её в плотную круглую шляпу, аккуратную и прочную, как будто делал это всю жизнь. Затем он водрузил её на голову, с довольным видом оглядывая своё творение.

— ...Зачем тебе это? — не выдержал Ли Синлунь, глядя на него с подозрением.

— Если всё живое в долине существует в симбиозе с божественной силой, значит, и способ преодолеть барьер можно найти через подобное слияние, — ответил Чанькунь Чжуоюй с невозмутимостью истинного мастера. — Мёртвые предметы не имеют жизненной силы, поэтому их отбрасывает. Но эта трава - живая. Она росла здесь, питалась той же энергией. Даже вырванная из земли, она долго сохраняет жизненную силу. Возможно, она сможет пройти там, где не можем мы.

— Тогда зачем ты сделал из неё шляпу?

— Попробуем.

С этими словами он резко прыгнул. Прыжок был выше, чем раньше, но, как и всегда, на определённой высоте что-то невидимое остановило его, и он начал падать. Однако шляпа, которую он выбросил вперёд, продолжала лететь. Она взмыла вверх, пролетела сквозь границу, которую ни один человек не мог пересечь, сделала дугу в воздухе и, словно подчиняясь чьей-то воле, мягко опустилась прямо на голову своему создателю.

— Оказывается, всё живое может уйти, — произнёс Чанькунь Чжуоюй с лёгкой грустью. — А мы - нет. Похоже, придётся искать другой путь.

Ли Синлунь больше не выдержал. Он шагнул вперёд, снял с его головы зелёную шляпу и, глядя прямо в глаза, сказал с ледяной серьёзностью:

— Больше никогда не надевай зелёную шляпу*. Это плохое предзнаменование.

— Почему? — искренне удивился Чанькунь Чжуоюй. — Мне кажется, она очень красивая.

— Давай лучше снова поговорим о том, как выбраться из долины, — перебил его Ли Синлунь, решив, что дальше спорить бесполезно.

И в тишине, между камнями и тенями, двое заточённых - один с памятью, полной боли, другой с уверенностью, лишённой оснований, продолжили искать путь сквозь стену небес.

П.П: Скорее всего все читатели знают, но вдруг. Фраза «зелёная шляпа» (кит. lǜ màozi — 绿帽子) в китайской культуре — это глубоко символическое и оскорбительное выражение, которое не имеет ничего общего с цветом одежды. «Носить зелёную шляпу» означает, что мужчину изменила его жена или партнёрша. Этот фольклорный образ восходит к династии Юань

(XIII-XIV вв.). Согласно одной из версий, правитель заставил жен провинившихся чиновников носить зелёные платки, чтобы все видели их «позор». Со временем «зелёная шляпа» стала метафорой измены.

В китайском обществе это выражение очень чувствительное, даже сегодня. Оно может вызвать серьёзный конфликт, особенно если использовано всерьёз.

<http://bllate.org/book/14629/1297980>